

Стратегия штурма Монкады: интервью, данное шведскому телевидению

Autor:

- [журналисты шведского телевидения](#)

«КУБА Интернасьональ» впервые публикует печатный вариант обширной подборки бесед, в которых Фидель Кастро рассказывает о своем собственном политическом развитии и делает интересные высказывания об исторических событиях, инициатором и руководителем которых явился он сам. Председатель Государственного совета Республики Куба посетил восточные районы страны, в которых 20 лет назад произошли события, породившие Революцию. Во время посещения бывшей казармы Монкада, пляжа Колорадо, горных районов Пик Туркино и Ла-Плата Фидель вел продолжительную беседу с сопровождающими его шведскими журналистами, заснявшими рассказ для шведского телевидения, самые важные фрагменты которого приводятся в настоящем издании, начинающим год, посвященный 25-годовщине штурма казармы Монкада.

I ПРОИСХОЖДЕНИЕ

СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА СПОСОБНО ВОЗВЫСИТЬСЯ НАД ЕГО КЛАССОВЫМ ПРОИСХОЖДЕНИЕМ

ЖУРНАЛИСТ: КОМАНДАНТЕ, вчера, в усадьбе Сибоней, Вы рассказывали о вашем идеологическом формировании, о своей политической и идеологической эволюции в студенческие годы. Я хотел бы задать Вам вопрос, связанный с более ранним периодом, а именно: каким образом Вы, получив воспитание в семье такого типа, пришли к подобной идеологической эволюции? Потому что в своей речи, обращенной к представителям интеллигенции, Вы привели очень сильный, очень живой образ, сравнивая буржуазное воспитание с жерновой мельницей, способной почти вчистую и навсегда перемолоть разум человека. Это высказывание очень заинтересовало меня, и мы хотели бы кое-что спросить вас.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ ФИДЕЛЬ КАСТРО: В действительности, мое происхождение...Я родился в семье землевладельца, но мои предки не принадлежали к землевладельческому роду. Что это значит? Мой отец был испанским крестьянином из очень бедной семьи. Он приехал на Кубу как испанский эмигрант в начале века. Он начал работать в очень тяжелых условиях. Будучи предприимчивым человеком, он скоро обратил на себя внимание и занял определенные руководящие должности на работах, которые велись в начале века.

Скопив кое-какие деньги, он вложил их в покупку земель. Иными словами, как деловой человек, он добился успеха и превратился в собственника земли, площадью, если мне не изменяет память, около тысячи гектаров. Подобные вещи были не так уж трудны в первые годы Республики. Потом он арендовал дополнительные земли. И когда я появился на свет, действительно родился в семье, которую можно назвать землевладельческой.

С другой стороны, моя мать была простой бедной крестьянкой. Поэтому в нашей семье не было того, что можно было бы назвать олигархическими традициями. Тем не менее, объективно говоря, наше социальное положение в тот момент было таковым, что мы принадлежали к числу семей с относительно высокими экономическими средствами. Наша семья была владелицей земель и пользовалась всеми преимуществами и, можно сказать, привилегиями, присущими землевладельцам в нашей стране.

В детстве

Мое образование в первые годы, можно сказать, в первые месяцы... Я научился читать и писать в общеобразовательной школе в селе, где я родился. Потом, когда мне было всего лишь 5 или 6 лет, меня привезли в Сантьяго-де-Куба. Было трудно и голодно; я голодал, несмотря на то, что мои родители оплачивали пансион, где я проживал в Сантьяго-де-Куба, но в силу ряда обстоятельств - нас было относительно много - целая группа ребят, в тот период мы испытывали большую нужду.

ЖУРНАЛИСТ: То есть в действительности привилегированного детства у Вас не было.

ФИДЕЛЬ: Дома - да, когда жил в Сантьяго-де-Куба - нет. Могу сказать, что там я голодал, что остался практически без обуви, что я сам зашивал порвавшиеся башмаки.

ЖУРНАЛИСТ: Это многое объясняет.

ФИДЕЛЬ: В таких условиях я жил чуть более года. Можно сказать, что именно тогда я узнал, что такое бедность.

Повлияло ли это на меня каким-то образом? Точно не знаю, не могу утверждать. После этого я поступил... Меня направили учиться в частную школу в Сантьяго-де-Куба, находящуюся в ведении религиозного ордена Ля Саль. Там я проучился до пятого класса. Затем перешел в школу Ордена Иезуитов. Таким образом, все начальное и среднее образование я получил в школах такого типа. Это были школы для детей относительно состоятельных семей.

Однако некоторые факторы повлияли на формирование во мне мятежного духа. Я бы сказал, что в первый раз я взбунтовался против несправедливых условий, царивших в доме семейства, куда меня отвезли в пятилетнем возрасте. Меня возмущала несправедливость в школах, куда меня направляли учиться.

Можно сказать, что в детстве я раза три столкнулся с порядком вещей, казавшихся мне полной несправедливостью, что пробуждало во мне мятежный дух. Эти факторы, возможно, стимулировали формирование сравнительно непокорного характера. Этот мятежный дух, возможно, проявился и в последующие годы.

Во время школьных каникул я общался с детьми из самых бедных семей моего родного селения.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, не хотите ли вы рассказать об этом более подробно?

ФИДЕЛЬ: Должен сказать, что, несмотря на экономическое положение нашей семьи, в моем родном селении я всегда общался с детьми из самых бедных семей, так как никаких аристократических традиций в нашей семье не существовало. И в третьих: и в детстве и став подростком, я не раз возмущался и протестовал против вещей, казавшихся мне несправедливыми.

Хотя мы и получили воспитание, типичное для этих частных колледжей, в то же время в нашем

формировании преобладали определенные принципы дисциплины и порядка.

На протяжении всего этого этапа во мне развивался характер, пробуждался дух, но никакого политического сознания я не приобрел. Политическое сознание, которое помогло мне понять жизнь, понять мир, разобраться в обществе и в истории, я приобрел, будучи студентом. Это произошло, главным образом, когда я познакомился с марксистской литературой, которая оказала на меня огромное влияние и помогла понять вещи, в которых иначе я бы никогда не разобрался.

Иными словами можно сказать, что политическое сознание я приобрел в результате учебы, анализа и наблюдения, а не благодаря классовому происхождению. Однако я ни в коем случае не считаю, что классовое происхождение может стать непреодолимой преградой, я думаю, что сознание человека способно возвыситься над его классовым происхождением.

Во время студенческой акции, посвященной историческому колоколу из Ла-Демахагуа, 1948 год.

II КАЗАРМА «МОНКАДА»

ИЗ КАЗАРМЫ В ГОРЫ

Мы выбрали это место, ибо должны были найти базу для сосредоточения наших людей в ожидании штурма казармы Монкада, для чего мы вели поиск по разным адресам. В результате нашли этот сдававшийся в аренду дом с небольшим участком. Затем, взвесив все "за" и "против" мы решили выбрать этот дом, который находился в нескольких километрах по шоссе от казармы, достаточно прямой подход.

Сняв дом, мы должны были что-то придумать, чтобы замаскировать наши действия. Мы решили имитировать организацию птицеводческого хозяйства, поэтому вы видите здесь некоторые из этих навесов, похожие на павильоны для клеток с птицей, но в действительности они предназначались для того, чтобы скрыть автомобили. За несколько месяцев до штурма мы сняли этот дом. Дополнительно были проведены другие приготовления под видом организации птицеводческой фермы.

ЖУРНАЛИСТ: Насколько я знаю, рядом находился дом одного из батистовских военнослужащих, что в некоторой степени отводило подозрения.

ФИДЕЛЬ: Возможно. Но это не было определяющим фактором: главным преимуществом являлось то, что дом стоял обособленно, рядом с шоссе, ведущим прямо в окрестности казармы, и, кроме того, он был свободен, а найти дом в те времена было не просто.

Этот дом, в первую очередь, служил для складирования оружия, а потом – для сосредоточения людей. Приготовление к штурму необходимо было проводить в подпольных условиях. Поэтому мы должны были предпринять все необходимые меры. Даже у крестьянина, который жил в доме напротив и с которым мы подружились, не возникло никаких подозрений о том, что наш дом хранит революционные намерения. Был еще один товарищ из Движения, который жил в Сантьяго-де-Куба, – единственный человек из Сантьяго-де-Куба, поскольку мы не хотели привлекать людей из Сантьяго, чтобы уменьшить риск неосторожных комментариев. Поэтому в Сантьяго у нас был всего один человек, который помог снять этот дом; потом сюда приехал один из руководителей Движения и поселился здесь, в Сантьяго-де-Куба. На протяжении нескольких недель мы складывали здесь оружие.

ЖУРНАЛИСТ: Однако до последнего момента никто из участников штурма не знал о цели этих приготовлений.

ФИДЕЛЬ: Нет. Об этом знало руководство Движения – группа из трех человек, нечто вроде

исполнительного комитета руководства Движения. Товарищ из Сантьяго тоже имел представление о нашей цели, поскольку ему было поручено наблюдать за казармой, вести за ней наблюдение.

ЖУРНАЛИСТ: Значит, это отсюда выехали автомобили, которые должны были штурмовать казарму?

ФИДЕЛЬ: Да, отсюда. Здесь было сосредоточено оружие. 26 июля приходилось на воскресенье, и с субботы сюда начали собираться люди.

ЖУРНАЛИСТ: А маршрут приблизительно тот же самый?

ФИДЕЛЬ: Несколько километров, сейчас я не помню точно, сколько. Это шоссе выходит на проспект, ведущий к казарме, поэтому тактически это было более удобное место для операции. Все приготовления совершались под видом организации здесь птицефермы. И действительно, все, по крайней мере, те немногие соседи, живущие напротив, поверили, что в этом доме строилась птицеводческое хозяйство. Сосед, который в те времена жил напротив этого дома, до сих пор проживает где-то здесь.

У него в саду росли манговые деревья. Посадил ли он потом еще, не знаю, но в общем, обстановка вокруг дома была примерно такой.

ЖУРНАЛИСТ: Но здесь не проводилось никакого обучения, только сосредоточение.

ФИДЕЛЬ: Проводить здесь обучение было нельзя, слишком рискованно. Обучение мы проводили в Гаване. Здесь лишь складировалось оружие, и одному единственному человеку из Сантьяго-де-Куба было известно о существовании этого дома. Несмотря на то, что Сантьяго-де-Куба считался весьма мятежным и революционным городом, мы, чтобы сохранить в секрете наш план, никого оттуда к подготовке к штурму не привлекали.

ЖУРНАЛИСТ: Несмотря на все это, одной из самых замечательных характеристик Движения, которая теперь отражена в истории, является тот факт, что эта подпольная и весьма обширная организация действовала при столь репрессивном режиме.

ФИДЕЛЬ: Было очень трудно, реально трудно, ибо в те времена деятельность революционеров не носила организованный характер, у них не было военного опыта.

ЖУРНАЛИСТ: Но у Движения «26 июля» этот опыт был.

ФИДЕЛЬ: Как вам сказать, мы... В тот период многие создавали свои организации. Наша группа, я считаю, сумела привлечь большее количество бойцов, чем все остальные организации. Кроме того, действия группы держались в полном секрете, и не только благодаря качеству наших людей, но и вследствие метода ее организации. Организация была разделена на ячейки, не имеющие между собой никакой связи. Руководящая группа состояла из очень надежных людей, и соблюдались все правила конспирации. Дело в том, что в то время было много революционно настроенных людей, которые не отличались сдержанностью в разговорах. В то время становились известными почти все действия, предпринятые против Батисты.

ЖУРНАЛИСТ: И импорт оружия, производившийся группой Прио 2, и все что делалось...

ФИДЕЛЬ: Да. Потому что у группы Прио были деньги, у нас их не было, у них было оружие, у нас - нет. Поэтому и действовать мы должны были с крайней осторожностью. Они вели пропаганду с помощью оружия. Можно сказать, вели политику с помощью оружия.

ЖУРНАЛИСТ: А вам не удалось приобрести это оружие?

ФИДЕЛЬ: Вообще-то, мы попытались достать некоторое количество. Для этого мы внедрились наших людей в их организации. 360 членов нашей организации работали внутри их группировки с тем, чтобы попытаться завладеть оружием. Однако наш план оказался слишком амбициозным: в какой-то момент они начали подозревать наших людей.

ЖУРНАЛИСТ: Но все оружие, обнаруженное полицией Батисты в то время, было...

ФИДЕЛЬ: Их оружием, оружием бывшего правительства, у которого имелось много денег, наворованных.

ЖУРНАЛИСТ: Но это оружие иногда подбрасывала сама полиция, пакеты с...

ФИДЕЛЬ: Нет, я думаю, что это не так. У руководителей традиционных политических партий и правительства, которое было свержено Батистой, было много денег. Поэтому им удалось купить оружие и ввезти его в страну различными и достаточно хитроумными способами. Однако у них не было людских резервов, не было бойцов, у них были деньги, оружие, но не было людей. Они прилагали все усилия, чтобы завербовывать людей из народных масс. В тот период мы попытались внедрить наших людей в их организацию с тем, чтобы завладеть оружием.

ЖУРНАЛИСТ: Но уже в тот момент Движение было уже довольно многочисленным...

ФИДЕЛЬ: Да, нам удалось обучить более тысячи человек. В тот момент мы имели около тысячи двухсот человек.

ЖУРНАЛИСТ: Помимо подготовленных кадров, организация была весьма обширной?

ФИДЕЛЬ: Она не была столь многочисленной, она была небольшой, хотя и основывалась на оппозиции и ненависти к режиму Батисты. Но число членов организации – сплоченных и обученных – достигло тысячи двухсот человек, так как оппозиция по отношению к правительству Батисты была достаточно распространенной. Многие из них происходили из ортодоксальной партии, многие являлись участниками штурма Монкады, но это были люди из самых бедных слоев населения; наша организация держалась в стороне от тех политических партий. Я выбирал людей, главным образом, из бедных слоев населения. Наши люди были выбраны из бедных слоев населения, из числа тех, кто противостоял Батисте.

ЖУРНАЛИСТ: Насколько мне известно, многие члены Движения происходили из ортодоксальной партии...

ФИДЕЛЬ: Они происходили из ортодоксальной партии, которая пользовалась престижем среди народа, но она была несколько разнородной. В состав ортодоксальной партии, главным образом, входили люди из бедных слоев населения, рабочие, крестьяне и представители мелкой буржуазии. В действительности, в то время высшее руководство этой партии уже находилось в руках господствующего класса.

Во время одного из многочисленных студенческих столкновений с репрессивными силами Фидель вступает в спор с очередным начальником полиции.

ЖУРНАЛИСТ: Что вы скажете о молодежи партии, членом которой вы являлись?

ФИДЕЛЬ: Это была боевитая молодежь, но официальные лидеры партии уже склонялись к компромиссу – не скажу, что с классовой позицией, – они, скажем так, начинали приспособливаться к системе. Я организовывал молодежь этой партии, а также занимался организацией официальной части... Я работал на местах с молодежью, главным образом, бедного происхождения. Официальные руководители этой партии в нашу организацию не

входили.

ЖУРНАЛИСТ: Это была политическая, идеологическая работа, так как была проведена...

ФИДЕЛЬ: Да это была идейно-политическая работа.

ЖУРНАЛИСТ: Но в то время о социалистических идеях речи пока не шло.

ФИДЕЛЬ: В то время не говорили о социализме. Можно сказать, в тот период главной целью народа было свержение Батисты. Но уже само социальное происхождение привлекаемых нами людей способствовало их политической подготовке.

По крайней мере, небольшая группа, проводившая работу по организации Движения, состояла из людей с самыми передовыми идеями. Мы проводили курсы по марксизму. Мы, руководящая группа, на протяжении всего этого периода изучали марксизм. И можно сказать, что главные руководители организации уже были марксистами.

В РАМКАХ МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

ЖУРНАЛИСТ: После смерти, самоубийства Чибаса, стали обостряться, скажем так, разногласия между руководством партии и молодежью...

ФИДЕЛЬ: Я могу сказать следующее: Чибас, как лидер, обладал большим обаянием и пользовался широкой поддержкой народных масс, но его действия не характеризовались проведением программы, предусматривающей глубокие социальные реформы. Скажем так: его программа в то время ограничивалась кое-какими мерами националистического характера, направленными против американских монополий, и в основном мерами, направленными против административной коррупции, против грабежа. Это была программа конституционального характера, он боролся за наведение государственного порядка. Программа Чибаса была далека от того, чтобы быть социалистической программой.

Заметим, что в тот период его программа отвечала интересам мелкой буржуазии, у которой уже появились разногласия с империализмом, которая была недовольна чрезмерной эксплуатацией действующими в стране монополиями, и их главным девизом являлась борьба против административной коррупции, против кражи государственных средств и растрат. Но внутри этой партии уже появилась левая фракция. Я бы сказал, что мы и являлись этой левой фракцией. Она была немногочисленной, но состояла из бывших студентов, которые за время учебы в Университете имели возможность познакомиться с социалистическими идеями, с марксизмом-ленинизмом, и приобрести наиболее передовое политическое сознание.

Таким образом, после смерти Чибаса крупная многочисленная партия остается без руководства, ранее носившего реформистский характер. Внутри этой партии уже формировалась группа из молодежи с наиболее передовыми идеями. В двух словах: в тот момент, к концу учебы в Университете я уже следовал марксистской концепции политики. Марксистские идеи, с которыми я познакомился, будучи студентом, способствовали формированию во мне революционного сознания. И уже с этого момента, все стратегии, связанные с политикой, я разрабатывал в рамках марксистской концепции.

Когда происходит государственный переворот 10 марта, я уже имел марксистскую подготовку. Однако мы столкнулись с ситуацией, сложившейся в стране, где произошел государственный переворот, где наиболее народная партия не имела эффективного, направленного руководства. У меня же сложились практические конкретные революционные идеи еще ранее, до государственного переворота 10 марта.

ЖУРНАЛИСТ: А НСП – Народная социалистическая партия? Имела ли она какую-либо

разработанную стратегию?

ФИДЕЛЬ: Социалистическая партия была немногочисленной, относительно немногочисленной; в масштабах Латинской Америки это была крупная партия, но она была изолирована. В условиях эпохи маккартизма и антикоммунизма Коммунистическая партия, можно сказать, оказалась в блокаде. Я не являлся членом Коммунистической партии в силу моего воспитания и классового происхождения... Я поступаю в Университет и уже там приобретаю революционное сознание. Однако в тот период я уже вступил в партию, которая являлась не марксистской, а, можно сказать, популистской партией. Еще до совершения государственного переворота я понимаю, что эта партия обладает огромной политической силой - силой масс, и приступаю к разработке стратегии с тем, чтобы направить эти массы на революционные позиции. Я уже отчетливо понимаю, что Революцию необходимо совершать посредством завоевания власти, а завоевывать власть необходимо революционным путем. Уже в тот период, до совершения государственного переворота, я прихожу к этому убеждению.

Конечно же, до совершения государственного переворота я разрабатывал стратегию в соответствии с ситуацией того времени - политического, парламентарного периода. В то время я уже принимал участие в этом движении. Первые идеи о Революции у меня возникли в Парламенте, в которые, однако, не входило ее свершение через Парламент. Я рассчитывал использовать Парламент для продвижения революционной программы.

ЖУРНАЛИСТ: Поэтому вы предложили свою кандидатуру?

ФИДЕЛЬ: Именно через Парламент я намеревался предложить революционную программу, привлечь к ней народные массы и идти по пути революционного завоевания власти. Именно с того момента, еще до совершения государственного переворота 10 марта, я уже не рассчитывал на традиционные, конституционные пути.

Вместе с Абелем Сантамарией и другими отважными товарищами, которые примут участие в историческом штурме казармы Монкада.

После событий 10 марта, потребовалось полностью изменить эту стратегию. Необходимость использования конституционных методов отпала.

ЖУРНАЛИСТ: Но государственный переворот 10 марта совершается не столько с целью предотвратить революцию, сколько предотвратить захват власти на Кубе силами реформистского характера или партией с более или менее передовыми взглядами. Или ...?

ФИДЕЛЬ: Мне кажется, что на самом деле государственный переворот 10 марта совершается не столько в целях предотвращения победы на Кубе революционной партии, сколько для того, чтобы предотвратить победу прогрессивной партии. Так и было в действительности. Они попытались помешать развитию прогрессивного движения, но с исторической точки зрения, можно сказать, создали условия для возникновения революционного движения. Однако я считаю, что в условиях Кубы существовала возможность развития Революции даже ранее событий 10 марта.

До событий 10 марта я уже был коммунистом, но народу пока не были близки идеи коммунизма, народным массам пока были чужды радикальные политические идеи, в этот период народ следовал идеям прогрессивного, реформистского характера, но это пока не было коммунистическим мышлением.

ЖУРНАЛИСТ: Кроме того, большое влияние оказывали антикоммунизм и маккартизм.

ФИДЕЛЬ: Огромное влияние, ибо мы были не только экономической, но и идеологической колонией Соединенных Штатов. Однако я приобрел это сознание, будучи студентом.

ОРУЖИЕ В КРЕДИТ

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, это и есть то самое место, откуда вы отправились на машинах?

ФИДЕЛЬ: Где-то здесь сохранился колодец, куда складывалось оружие, которое мы покупали в оружейных магазинах, главным образом, это были охотничьи ружья: винтовки 22-го калибра, ружья для охоты на уток и голубей. Это было далеко небезопасное оружие, поскольку мы купили большое количество автоматических ружей, но приобретенные к ним патроны предназначались для охоты не на уток, а на оленей и кабанов. То есть, в действительности оружие было небезопасным.

Однако Батиста чувствовал себя настолько уверенно, что в то время действовали оружейные магазины. Они чувствовали себя очень уверенно, опираясь на свою военную мощь.

ЖУРНАЛИСТ: Но боевого оружия не было

ФИДЕЛЬ: Нет, боевого оружия не было. Но, во всяком случае, нам удалось приобрести законным путем некоторое количество хороших ружей. Наши товарищи, у которых был свое охотничье удостоверение, переодевшись охотниками или респектабельными господами, покупали оружие в оружейных магазинах.

Надо сказать, что их работа была настолько эффективной, что мы получили кредит в оружейных магазинах, и почти все последние партии оружия мы купили в кредит.

ЖУРНАЛИСТ: А потом вы складывали оружие в этот колодец.

ФИДЕЛЬ: Большая часть оружие прибыла в пятницу, накануне 26 июля, это была самая большая партия купленного оружия. Его привезли сюда на автобусах и поезде. Из боевого оружия, как такового, у нас было 3 или 4 винтовки. В общем счете у нас имелись винтовки 22-го или 12-го калибра, автоматические ружья, один пулемет – у нас был М-3, который мы использовали при подготовке людей в Университете, что происходило довольно часто.

ЖУРНАЛИСТ: Но потом, в какой-то момент – в какой, я не понял, – вам пришлось уйти оттуда.

ФИДЕЛЬ: В то время существовало постоянное соперничество между молодежными организациями. Студенты того периода – многие из них – считали себя наследниками революционных традиций; но нашему движению удалось завоевать поддержку некоторых университетских кадров, именно они предоставили нам территорию Университета для подготовки наших людей. То есть, наше движение было народным, а не университетским, а группа товарищей из Университета – и особенно Педрито Мирет, который в тот момент отвечал за подготовку в Университете и сегодня является членом Политического Бюро партии – проводили обучение всех желающих. Нам удалось привлечь на нашу сторону некоторых работающих там товарищей, и главным образом, Педрито Мирета, и использовать Университет для подготовки наших людей, которые происходили из простого народа и не принадлежали к студенческим слоям.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, значит, отправились вы отсюда?

ФИДЕЛЬ: Здесь мы складировали оружие и здесь сосредоточились участники операции по штурму казармы Монкада. Сто тридцать пять человек собрались здесь, на рассвете 26 июля, в то время как другая группа находилась в районе Баямо. Согласно нашему военному плану, мы намеревались захватить казарму Монкада и Баямо с тем, чтобы иметь передовую линию, сосредоточенную в главном направлении возможной контратаки Батисты.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, стратегия штурма Монкады предусматривала взятие казармы, чтобы вооружить народ, и продолжать военные действия?

ФИДЕЛЬ: Мы намеревались захватить оружие, имеющееся в лагере, призвать к всеобщей забастовке в стране, пользуясь недовольством народа и его ненавистью к режиму Батисты, для чего планировали задействовать национальные радиостанции для призыва к всеобщей забастовке. В случае, если бы не удалось достичь парализации страны, мы предусматривали уйти в горы, чтобы вести нерегулярные военные действия.

ПРЕВРАТНОСТИ ИСТОРИИ

ЖУРНАЛИСТ: Значит, у вас уже был разработан план создания партизанского отряда.

ФИДЕЛЬ: У меня было два варианта. Во-первых - попытаться поднять народ на всеобщее восстание, направленное на свержение Батисты. В случае неудачи или в случае ответного удара Батисты с использованием превосходящих вооруженных сил и атаки на нас здесь, в Сантьяго-де-Куба, мы планировали уйти в горы, захватив оружие из казармы Монкада, и вести нерегулярные военные действия. Именно это мы и сделали три года спустя. Впоследствии, та же стратегия, разработанная нами для штурма казармы Монкада, привела нас к победе, с той единственной разницей, что во второй раз мы не начали со штурма Монкады, мы начали с гор Сьерра-Маэстра. Мы развернули военные действия в горах Сьерра-Маэстра, и в конечном счете, устранили Батисту, используя в сущности ту же стратегию.

Таким образом, стратегия Монкады стала, в общих чертах, стратегией, которой мы следовали впоследствии и посредством которой свергли Батисту. Но это произошло не в тот момент.

Однако я убежден, что если бы нам удалось взять казарму и завладеть оружием, мы бы уже тогда начали войну против Батисты, мы бы смогли убрать его раньше. Хотя, если учесть соотношение сил в 1953 году...

Думаю, что если бы мы свергли Батисту в 1953 году, империализм не замедлил бы раздавить нас, в силу того, что в период с 1953 по 1959 год произошло значительное изменение в соотношении сил в мире.

ЖУРНАЛИСТ: Холодная война еще находилась в полном разгаре

ФИДЕЛЬ: И в тот момент положение советского государства было довольно ослабленным. Нужно учитывать, что Советское государство оказало нам помощь, сыгравшую решающую роль, чего в 1953 году оно было бы не в состоянии сделать. Я так считаю.

То есть, победа в 1953 году, возможно, впоследствии была бы сорвана империализмом. Но спустя шесть лет наступил самый подходящий момент, когда изменение в соотношении сил в мире способствовало нашему выживанию. В 1953 году нам, возможно, не удалось бы выжить, даже если бы мы и победили.

ЖУРНАЛИСТ: А если бы вы приняли радикальные меры и...?

ФИДЕЛЬ: А победив в 1959 году, у нас появилась возможность выжить. Таково мое мнение.

ЖУРНАЛИСТ: Возможность.

ФИДЕЛЬ: Да, возможность.

ЖУРНАЛИСТ: Любопытно, что вы говорите о возможности, потому что она была весьма ограниченной для...

ФИДЕЛЬ: Что бы мы смогли сделать в 1953 году? Мы бы победили, осуществили бы задуманную нами тогда революционную программу, что развязало бы империалистическую агрессию и привело бы к нашему поражению. Таким образом, если бы Революция победила в 1953 году, ей

не удалось бы выжить. Таковы превратности истории.

ФАКТОР ВНЕЗАПНОСТИ

ЖУРНАЛИСТ: Итак, Команданте, мы можем продолжать?

ФИДЕЛЬ: Мы сделаем все, что вы хотите. Хотите, я покажу вам оружие? Прошу. Вот это – единственная имевшаяся у нас автоматическая винтовка М1, единственное боевое оружие.

Воззвание студенческого лидера.

Вот это – часть оружия, которым мы воспользовались. Это – единственное наличное боевое оружие, автоматическая винтовка М1, из Университета. Подготовка в Университете проводилась с использованием этой винтовки.

Таких винтовок у нас было 3, но эта винтовка 44-й калибра – примерно со времен Буффало Билла. Большую часть нашего оружия составляли ружья 12-го, 16-го калибра и 22-миллимитровой винтовки. С этими ружьями... Все эти ружья мы купили в оружейных магазинах. Но, я бы сказал, это было эффективное оружие, автоматические винтовки. Вот это – тоже автоматические винтовки, к которым были куплены специальные патроны. Я и теперь считаю, что это было эффективное оружие.

Конечно же, у нас не было ни базук, ни противотанковых пушек, не было ни одного миномета. Было бы гораздо лучше иметь все это. Но в тот момент мы располагали вот этими ружьями и с ними мы совершили штурм казармы Монкады.

Еще один факт: мы приобрели солдатские формы через нашего человека из Армии Батисты. Все 135 человек были одеты в армейские формы. Фактор внезапности – оружие и солдатские формы – был решающим в операции.

Мы намеревались захватить у батистовской армии вторую по значению в стране военную крепость, наличный состав которой насчитывал более тысячи человек. И мы бы смогли сделать это. Даже сегодня я считаю, что план был не плохой, хороший был план.

ЖУРНАЛИСТ: Проблемой явилось отклонение от маршрута другой части ваших сил.

ФИДЕЛЬ: Главной проблемой явилось следующее: в связи с карнавалами – мы планировали провести операцию во время карнавалов с тем, чтобы было легче мобилизовать наши силы, – именно в эти дни они удвоили охрану и установили пешие патрули вокруг полка. Положение окончательно осложняется, когда мы сталкиваемся с патрулем, совершающим внешний обход казармы и главной дороги, по которой двигались наши силы, в результате чего развязывается бой за пределами казармы. В противном случае, нам удалось бы ее захватить.

ЖУРНАЛИСТ: Можно сфотографировать это место.

ФИДЕЛЬ: В этом колодце мы прятали оружие. Абель Сантамария, руководитель движения и отвечающий за этот дом, поставил на колодец вот этот глиняный кувшин, насыпал туда земли и посадил дерево. Таким образом, наше оружие хранилось под посаженным здесь деревом. Так обстояли дела до 26 июля, когда мы убрали дерево и кувшин и извлекли оружие. (Интервью продолжается, в то время как Фидель ведет джип в направлении казармы Монкада).

ЖУРНАЛИСТ: Сколько у вас было автомобилей?

ФИДЕЛЬ: В сумме их было... Первыми выехали автомобили с людьми, которые должны были взять Гражданскую больницу, их было три. Затем выехали машины с людьми, которые должны были захватить здание Дворца правосудия, их было две, и, наконец, около 14 автомобилей находились под моим руководством. Для штурма казармы я располагал группой в количестве 90 человек.

ЖУРНАЛИСТ: Значит, в итоге они были предназначены для нападения на другие объекты?

ФИДЕЛЬ: Да, 35 автомобилей предназначались для взятия Гражданской больницы и здания Дворца правосудия с тем, чтобы окружить казарму.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, какая задача была поручена вашему брату Раулю?

ФИДЕЛЬ: Рауль должен был захватить Гражданскую больницу, нет - здание Дворца Правосудия города Сантьяго-де-Куба, примыкавшего к казарме. Гражданскую больницу должен был захватить Абель. Дело в том, что руководителям, Абелю в частности, как второму руководителю Движения, я поручил взятие Гражданской больницы. Понятно почему? С тем, чтобы группа не осталась без руководства в случае моей смерти во время штурма казармы. Рауль руководил захватом здания Дворца правосудия. Мы должны были захватить окружающие казарму здания одновременно с ее штурмом.

Как можно себе представить, двигаясь по этой дороге, мы были напряжены, но настроены весьма решительно. Мы совершенно не сомневались в успехе. Самое трудное до этого момента - организовать и обучить людей, приобрести оружие и подготовить штурм - было сделано.

ЖУРНАЛИСТ: И конечно же, не попадая под репрессию.

ФИДЕЛЬ: Совершенно верно.

ЖУРНАЛИСТ: Вот эта гора напротив – это и есть Гран-Пьедра? Куда вы направились потом?

ФИДЕЛЬ: Затем мы возвратились сюда, в арендованный нами дом с тем, чтобы попытаться реорганизовать людей, и с группой из 10-12 человек мы ушли в горы. Однако наше оружие, предназначенное для боя в казарме, не годилось для ведения боев в горах.

ЖУРНАЛИСТ: Это было не дальнобойное оружие?

ФИДЕЛЬ: Это было оружие, предназначенное для ведения огня на очень короткой дистанции.

ЖУРНАЛИСТ: Я думаю, что тогда панорама выглядела несколько иначе – не было этих пастбищ.

ФИДЕЛЬ: Да, здесь все изменилось. Если хотите, вы можете прервать съемку до момента, когда мы туда приедем. Хорошо?

ЖУРНАЛИСТ: Да, да, конечно.

ФИДЕЛЬ: Нужно было проехать по этому мосту. Единственное происшествие в пути было связано с тем, что дорога через мост была однопольной, и когда мы собирались переезжать мост, навстречу двигался какой-то автомобиль, и нам пришлось ждать, пока он проедет, затем мы последовали дальше.

Как видите, дом находился недалеко от казармы. Вот здесь мы свернули, чтобы въехать в казарму.

ЖУРНАЛИСТ: В день штурма вы последовали прямо?

ФИДЕЛЬ: Мы следовали вот в этом направлении. (Продолжая рассказ, Фидель вместе с журналистами подъезжают к казарме Монкада). Теперь я расскажу вам, где происходит переломный момент. Он наступает в этом месте. Объясню, почему. Потому, что пеший патруль приближался к нам в этом направлении, и вот здесь мы с ним встретились, в то время как машина с группой захвата главных ворот опередила нас метров на 100, и пост был разоружен. Однако патруль, заметивший первый проехавший автомобиль, увидел, что наши люди разоружают пост, и изготавился к бою.

На ферме Сибоней, где 25 лет назад расквартировались штурмовавшие казарму Монкада. Фидель отвечает на вопросы журналистов.

Патруль находился с этой стороны нашей машины, и я вытащил пистолет, чтобы задержать его. Но в этот момент тот увидел, что мы остановились рядом, попытался выстрелить, и я направил на него машину тараном. Это произошло где-то здесь. Патрулирующий укрылся вон там, а я вышел из машины... До этого момента я должен был выполнять одновременно три движения: с этим вот здесь, руль – здесь, пистолет – в руке. Когда наша машина остановилась, все остальные, следующие за нами, подумав, что мы уже прибыли в казарму, вышли из машин и бросились в соседние здания. Мне пришлось выйти из машины, чтобы их остановить и продолжить атаку, но на это ушло 5-6 минут. Когда мы вновь двинулись, один из автомобилей дал задний ход и натолкнулся на нашу машину. В итоге, бой начал разворачиваться не внутри казармы, как было запланировано, а за пределами ее территории...

ЖУРНАЛИСТ: И в казарме поднимается тревога.

ФИДЕЛЬ: Мобилизуется расквартированный здесь полк и организуется оборона, что препятствует... Патруль стал для нас неожиданностью, он был установлен в связи с карнавалом. А план в действительности... Сейчас объясню... Не знаю, удастся ли нам пройти вот здесь, в то

время, мне кажется, деревьев здесь не было. Вот: Штурм начинался вон там.

ЖУРНАЛИСТ: Там он и должен был начинаться.

ФИДЕЛЬ: Там должны были разворачиваться все действия после захвата часовых. Однако в результате столкновения с патрулем я попытался во-первых, - защитить людей, захвативших сторожевой пункт, и, во-вторых, разоружить патруль. Думаю, что если бы другие автомобили проследовали мимо патруля, не обратив на него внимания, нам бы удалось захватить казарму.

ЖУРНАЛИСТ: В тот момент

ФИДЕЛЬ: Да, мы бы захватили их врасплох, поскольку они увидели бы вереницу автомобилей и не открыли бы стрельбу. Теперь я это понимаю, а в тот момент я пытался прикрыть людей, захвативших сторожевой пост, и нейтрализовать патруль. В итоге развязался бой за пределами казармы, и штурмующие, не знающие казармы, атаковали соседние здания. Мне пришлось реорганизовывать людей для главного штурма... Во время въезда в казарму происходит заминка, когда один из автомобилей сталкивается с моей машиной.

ЖУРНАЛИСТ: Поскольку ваши люди в действительности не знали города Сантьяго.

ФИДЕЛЬ: Они не знали города и должны были останавливаться, когда останавливался я. Однако, в тот момент, увидев, что патруль собирается открыть огонь по нашим людям в казарме, я попытался прикрыть их и захватить патруль. Заметив нас, патруль изготавился к бою, я повел на него машину, и в этот момент началась перестрелка, но за пределами казармы.

ЖУРНАЛИСТ: Значит, этот инцидент оказался самым серьезным.

ФИДЕЛЬ: Это инцидент оказался самым серьезным. В противном случае нам бы удалось захватить казарму, так как для них наше появление стало полной неожиданностью. План был хорошим. Если бы сегодня потребовалось разработать план, мы составили бы примерно такой же с учетом имеющегося теперь у нас опыта. План был хорошим. Но в силу препятствия, возникшего по чистой случайности, он потерпел полную неудачу. Причиной провала взятия казармы стало столкновение с пешим патрулем, который нам следовало бы просто миновать.

ЖУРНАЛИСТ: Почему патруль называется «пешим»?

ФИДЕЛЬ: Так назывались патрули, совершающие обход казармы; этот выходил отсюда и, дойдя до проспекта, возвращался. Установили их в связи с карнавалом, и мы этого не предвидели. Очевидно, они были установлены в связи с карнавалом – возможно с тем, чтобы предупредить любые мелкие непорядки, у них не возникло ни малейших подозрений о штурме казармы. Но в связи с карнавалами, проходившими в Сантьяго-де-Куба, они установили пешие патрули, раньше их не было, их установили в те дни.

ЖУРНАЛИСТ: С другой стороны, карнавалы являлись благоприятным фактором.

ФИДЕЛЬ: Это было нам на руку, так как позволяло передвигаться, не вызывая подозрений. То есть, карнавал нам благоприятствовал, но с другой стороны они установили дополнительные патрули, с одним из которых мы и столкнулись здесь, в 80 м от въезда в казарму. В противном случае, нам бы удалось въехать в казарму и взять ее штурмом. Кроме того, мы были переодеты солдатами. Захватив сторожевой пункт, наши люди там закрепились, но часовые успели включить сигнал боевой тревоги, и расквартированный там полк мобилизуется; иначе нам бы удалось ворваться в казарму и арестовать спящих солдат, так как здание Дворца правосудия и все окружающие казарму здания уже были захвачены. Нам оставалось захватить эту часть, и мы оказались бы у них во дворе. Конечно же, это превратилось бы в настоящее побоище, что продемонстрировало наше столкновение с патрулем, когда открылась яростная, очень

напряженная перестрелка... Думаю, наши люди, не имеющие строгой дисциплины в ведении огня, начали бы стрелять, прибыв на место, и штурм превратился бы в настоящее побоище. Я не сомневаюсь в этом.

ЖУРНАЛИСТ: Теперь в этой казарме размещается школа? Видно пионеров...

ФИДЕЛЬ: Да, школа. Мы убрали наружные стены и тому подобное. Некоторые критикуют нас за это, мол, было бы лучше сохранить казарму в качестве исторического места. Но в первые годы Революции у нас было мало школ, мы не думали об истории, поэтому снесли стены и разместили здесь школу.

ЖУРНАЛИСТ: Но это же историческое место.

ФИДЕЛЬ: Здесь создан небольшой музей. Может, в будущем стоит восстановить стены и всю казарму в ее первоначальном виде.

МЫ РАБОТАЛИ НА ПОБЕДУ

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, как я вам уже говорил, прежде чем перейти к беседе на более общие политические темы, хотелось бы остановиться на другом аспекте. Темой, весьма заинтересовавшей всех тех, кто хоть немного знаком с историей Кубы, явился процесс Вашей изоляции после провала штурма казармы Монкады и трагической гибели многих ваших товарищей. Это был тяжелым поражением... Как вам удалось, находясь в изоляции, в изоляционной камере, не пасть духом, не отойти от борьбы; как вам удалось продолжать мыслить, подготовить речь «История меня оправдает», разработать политический документ, ставший основой для программы Революции и продолжения борьбы?

ФИДЕЛЬ: В действительности мы работали на победу, а не на поражение, но потерпели очень серьезную неудачу, которая стоила жизни многим товарищам. Если до штурма Монкады я чувствовал свою обязанность перед страной, после него я понял, что моя ответственность возросла. Я считаю, что, учитывая наши намерения, наши цели, я не мог поступить иначе, я должен был действовать более решительно, с более высоким боевым духом. Никто не мог знать, чем все это закончится. Мы даже не знали, ждет ли нас расстрел. Однако, как бы то ни было, мы должны были бороться за наши идеи, за нашу правду. Можно сказать, что подобные обстоятельства мотивируют человека на гораздо большее, чем нормальная обстановка, именно в сложных ситуациях человек находит силы, чтобы противостоять трудностям. Но самым существенным для нас являлось то, что мы были абсолютно уверены в нашей правоте. Эта уверенность давала нам силы для того, чтобы противостоять трудным испытаниям, пополнять знания, разъяснить народу цели нашей борьбы, противостоять клеветнической кампании правительства и создавать условия для того, чтобы в случае, если нашему поколению не удастся выполнить поставленные задачи, это могло бы осуществить следующее поколение. То есть - посеять семя и служить примером, ставшим уже не моим личным примером, но примером всех товарищей, сложивших головы в борьбе. Нашим долгом являлось приложить все усилия, чтобы их самопожертвование не оказалась напрасным.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, в столь нелегкий момент вас вдохновляли идеи Марти, не так ли?

ФИДЕЛЬ: В сущности, идеи Марти, исторические традиции нашей Родины - традиции упорной борьбы за независимость, героические традиции оказали огромное влияние на всех нас, на все наше поколение. В тот момент на меня влияли - и влияют до сих пор - две вещи: история нашей Родины, ее традиции, идеи Марти - с одной стороны и с другой - идеи марксизма-ленинизма, которыми мы прониклись еще будучи студентами.

Мы всегда находились под таким двойным влиянием идей прогрессивного кубинского движения, кубинского революционного движения, идей Марти и идей марксизма-ленинизма. В истории

нашей страны эти идеи неразделимы. В свое время Марти выполнил поставленную перед ним задачу: он стал представителем наиболее революционного мышления той эпохи. Можно сказать, что неразрывная связь его патриотических, революционных идей с самыми современными революционными идеями, идеями марксизма-ленинизма, явилась элементом, оказавшим на нас наибольшее влияние, в сущности, она явилась вдохновившим нас фактором. По-другому и быть не могло, поскольку в таких странах, как Куба, национальное и социальное освобождение тесно связаны.

ОДНА

Марти представлял передовые идеи нашего общества, нашего народа в борьбе за национальное освобождение. Маркс, Энгельс и Ленин представляли революционные идеи в борьбе за социальную революцию. На нашей Родине национальное освобождение и социальная революция объединились под единым знаменем борьбы нашего поколения.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, немного забегаая вперед, товарищ Алкальде рассказал нам о процессе, происходящем внутри тюрьмы на острове Пинос, подробно объяснил нам о том, каким образом там упрочилась идеологическая подготовка руководящей группы. В связи с этим я хотел бы спросить вас: Были ли Вы до конца уверены в том, что посредством политической работы Движения или какой-либо другой политической силы можно было добиться амнистии, или вы думали о побеге с тем, чтобы продолжать борьбу? Вы же не думали оставаться там, на протяжении 15 лет.

ФИДЕЛЬ: Нет, я не собирался сидеть там 15 лет, но был отлично знаком с политической обстановкой в стране. Ненависть к Батисте была всеобщей, Батиста пал жертвой своих собственных противоречий: он пытался узаконить режим, намеревался создать условия для выборов, которые - хотя и явились бы мошенническими, - по крайней мере, служило бы прикрытием для батистовской диктатуры.

И мы знали, что вследствие накала общественности, не могло быть и речи о каких-либо попытках разрешить законным путем обстановку в стране, не объявив амнистию политическим заключенных. Мы знали, что рано или поздно амнистия будет объявлена в силу давления народных масс и вследствие противоречий самого режима.

В сущности, побег с острова Пинос представлялся весьма трудной задачей. Мы находились под строжайшим наблюдением в тюрьме усиленного режима, расположенной на острове, побег с которого был практически немислим. Поэтому мы наделяли. Поэтому мы возлагали надежду на движение масс и на политическое движение, чье давление вынудило бы режим амнистировать политических заключенных. Кроме того, мы рассчитывали на то, что Батиста, уверенный в своей силе и недооценивающий революцию и революционеров, в какой-то момент своей политической игры будет вынужден объявить амнистию.

Во-первых, в тюрьмах мы продолжали держаться стойко, с достоинством, не теряя бунтарского духа, и конечно же мы старались привлечь на нашу сторону народные массы в борьбе за амнистию. И во-вторых, мы уже тогда вели работу по организации движения и разрабатывали последующие планы на тот момент, когда правительство будет вынуждено объявить амнистию. Так оно в точности и произошло.

Когда мы вышли из тюрьмы, у нас уже имелась наготове вся стратегия борьбы. Однако самым главным в тот момент, как мы считали, было доказать, что проблема пребывания у власти Батисты на Кубе не имела какого-либо политического, мирного решения. Но мы должны были убедить в этом общественность, поскольку в случае возникновения в стране революционных стычек ответственность будет нести режим, а не революционеры. В то время мы говорили, что мы согласны принять мирное решение проблемы, если при этом будут созданы определенные условия, чего, как мы были уверены, не могло произойти никогда. Понадобилось всего несколько недель для того, чтобы продемонстрировать общественности, что возможности мирного разрешения проблемы Кубы с Батистой у власти не существует.

Этот аспект нас беспокоил всегда – здесь сказывалось влияние идей Марти, был убежден в том, что война является последним из всех средств. На всем протяжении борьбы за независимость нашей страны Марти делал особый упор на том, чтобы показать, что они вынуждены были прибегнуть к военным действиям только потому, что не существовало никакого другого способа. История нашей страны была отмечена этой политической традицией. Мы, точно также, намеревались доказать, что не существовало мирного решения проблемы батистовского режима. Мы считали, что как только это будет доказано, мы вновь начнем подготовку к вооруженной борьбе.

III СЬЕРРА-МАЭСТРА

ГОТОВИТЬСЯ К ВОЗВРАЩЕНИЮ

Мы, самые известные руководители движения – а после штурма Монкады мы стали самыми известными в стране – выехали в Мексику. В наш план входила подготовка движения внутри страны одновременно с подготовкой других кадров за рубежом с тем, чтобы одновременно начать борьбу в момент прибытия на Кубу тех, кто как и мы, находился за рубежом. Главным образом, задача состояла в том, чтобы осуществить военную подготовку кадров и обзавестись минимумом оружия, необходимым для возобновления борьбы. С этой целью мы направились в Мексику, поскольку Мексика издавна известна своей традиционной солидарностью, гостеприимством по отношению к эмигрантам из разных стран. Однако нашу задачу в Мексике мы выполнили без какой-либо официальной поддержки – ни прямой, ни косвенной. То есть, нашу задачу в Мексике мы выполнили без какой-либо официальной поддержки, наша работа в Мексике происходила подпольно.

Бесспорно, мы испытывали затруднения легального порядка, поскольку наша деятельность, хоть и не была направлена против мексиканского государства, но в какой-то мере являлась нарушением законов Мексики, так как была связана с накоплением оружия и военной подготовкой людей. Это несколько осложнило нашу ситуацию. Были и трудные моменты, когда некоторые из нас были арестованы, но в тот момент нам очень помогло содействие генерала Ласаро Карденаса – человека, пользовавшегося огромным престижем и являвшегося наиболее последовательным приверженцем идей интернационализма из всех государственных деятелей Мексики последних времен, – который заинтересовался нашей участью. Тот факт, что он заинтересовался нашей ситуацией, способствовал разрешению вопроса о нашей законной ситуации, что в какой-то мере уменьшило репрессию, которой в тот момент мы подвергались в Мексике. Это позволило нам выиграть время и завершить нашу подготовку перед тем, как вернуться на Кубу.

В тюрьме, после смелой акции 26 июля 1953 года.

Вообще-то Батиста тоже работал активно. В Мексике у него были оплачиваемые агенты-кубинцы, которые, действуя в каждом штате, пытались повлиять на подавление нашей деятельности в Мексике.

Наш отъезд из Мексики в конце ноября 1956 года происходил в обстановке абсолютной конспирации, так как в тот момент мы подвергались преследованию властей вследствие доносов, сделанных батистовским правительством.

Я не критикую мексиканские власти, так как, действительно, в той ситуации они имели полное право предотвращать любые действия, идущие вразрез с законами Мексики. А мы, в некоторой мере, были вынуждены их нарушать во имя наших патриотических целей, связывающих нас с Кубой.

Такое противоречие имело место. Возникли осложнения; были осуществлено несколько акций

по захвату оружия, и мы были вынуждены покинуть Мексику в момент, когда власти вели наш розыск, чтобы нас арестовать и воспрепятствовать, конечно же, нашей революционной деятельности. Обстановка в последние дни нашего пребывания в Мексике была по-настоящему сложной. Несмотря на все, быть может, благодаря накопленному опыту подпольной борьбы нам удалось преодолеть все препятствия и выехать из порта Тукспана – если память мне не изменяет – 24 ноября 1956 года. Между прочим, в ту ночь бушевала буря, портовые власти из-за плохой погоды запретили судам выход в море, но мы все-таки вышли в открытое море.

Несмотря на то, что нам удалось выйти в открытое море, это уже само по себе было огромным шагом вперед. Но через три-четыре дня Батиста узнал о нашем выезде из Мексики и отдал приказ кораблям Военно-морского флота и авиационным подразделениям локализовать наше небольшое судно длиной в шестьдесят с небольшим футов, на борту которого находилось 82 экспедиционера.

Море встретило нас штормовой погодой, затем мы шли в отдалении от южного побережья острова, чтобы высадиться в провинции Оренте. К счастью, нам удалось подойти к берегу, не привлекая внимания Авиации и Военно-морского флота. Потому что за последнюю ночь мы хоть и плыли в отдалении от берега, но преодолели около 80-100 миль и на рассвете 2 декабря 1956 года прибыли к берегам Кубы.

ЖУРНАЛИСТ: Как мы поняли, Команданте, и в этом случае одним из командиров или капитаном судна был офицером батистовского Военно-морского флота, примкнувшим к вашей борьбе.

ФИДЕЛЬ: Нет, это не так. Он был бывшим офицером только не батистовского Военно-морского флота, а Военно-морского флота Республики, а это не одно и то же. Он нам помог, управляя судном. С нами также находился капитан доминиканской армии, имевший морской опыт, который впоследствии принял участие вместе с Каманьо в доминиканской революции и некоторое время спустя был убит. Также на борту находился бывший лейтенант морского флота. Однако почти никто из нас не был хорошо знаком с побережьем Кубы. Имеющиеся сведения были скудными, что несколько осложнило ситуацию. Несмотря ни на что, нам удалось пройти 1500 миль и прибыть на Кубу. Кстати, мы прибыли, когда в баках оставалось на 2 дюйма горючего, то есть, его хватило бы еще всего на несколько минут.

ЖУРНАЛИСТ: То есть, вы постоянно находились на краю опасности.

ФИДЕЛЬ: Я считаю, что это «издержки» революционной деятельности.

ВОЛЯ К СОПРОТИВЛЕНИЮ

ФИДЕЛЬ: Прошло 20 лет с нашей высадки в этих местах.

ЖУРНАЛИСТ: Видно дно...

ФИДЕЛЬ: Мы приближаемся к месту, где высадилось 4 человека. Вы сейчас увидите. Вот, посмотрите – мы высадились вон там. Смотрите: вон там. Сейчас вы сможете сфотографировать это место. Ну же, фотографируйте, а то проедем. На самом деле, мы высадились на километр дальше к югу. Как видите, высадка произошла на очень ровном месте.

ЖУРНАЛИСТ: Был допущена ошибка в выборе места...?

ФИДЕЛЬ: Дело в том, что незадолго до рассвета один из экспедиционеров упал в воду, и мы потратили 30 минут, чтобы найти и вытащить его из воды. К тому времени уже рассветало. Капитан судна был не совсем уверен, где мы находимся, и уже сделал несколько кругов. Я его спросил: «Ты уверен, что это территория самого острова Кубы?» Он ответил: «Да, уверен.» Тогда я сказал: «Хорошо, на всей скорости бери курс прямо на кромку берега». Так мы подошли к

пляжу. Но на месте высадки нас ожидало другое препятствие: огромное болото протяженностью в несколько километров, на преодоление которого нам потребовалось примерно два с половиной часа, что оказалось очень тяжелым испытанием. Брести приходилось по пояс в грязи. Наконец, мы вышли на твердую землю, однако место оказалось совсем неудачным. При высадке в баках судна оставалось всего на 2 дюйма горючего. Было бы целесообразнее высадиться чуть далее, к востоку, но уже не хватало горючего.

ЖУРНАЛИСТ: Это отдаляло вас от Сьерры, не так ли?

ФИДЕЛЬ: Да, это так. Горючего не оставалось, место было равнинным. Если бы мы высадились на 50-60 км к востоку, война закончилась бы раньше.

ЖУРНАЛИСТ: То есть, ближе к Сьерре-Маэстре?

ФИДЕЛЬ: Да, да, мы высадились бы недалеко от гор. А так как высадка произошла на равнинном месте, врагу удалось окружить нас, и обстановка очень осложнилась. Если бы мы высадились вблизи гор, война длилась бы гораздо меньше.

ЖУРНАЛИСТ: Если бы не произошло...

ФИДЕЛЬ: Быть может, 12-15 месяцев, вместо 25. На третий день после высадки нас постиг серьезный удар: посредством неожиданной атаки врагу удалось рассредоточить наши силы. Мы понесли значительные потери, лишь немногим удалось выжить в той ситуации.

ЖУРНАЛИСТ: Это произошло в Алегррия-де-Пио.

ФИДЕЛЬ: Да, в Алегррия-де-Пио. Потом нам удалось собрать воедино нескольких бойцов и несколько винтовок. Однако, как вы видите, горы находятся далеко от места высадки, я бы сказал, в 30-40 км – первые холмы. Вот отсюда уже начинается Сьерра-Маэстра.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, на этом этапе, после боя в Алегррия-де-Пио, существенной стала помощь некоторых крестьян, которые потом собрались для...?

ФИДЕЛЬ: Да. В начале мы долго находились в окружении. У меня была одна винтовка и 100 пуль, со мной шли еще два человека, у одного была винтовка и 40 пуль, у второго ее не было. Затем к нам присоединился Рауль с четырьмя бойцами, у которых было четыре винтовки, а пятая винтовка принадлежала бойцу, который не смог продолжить путь. Таким образом, в нашем распоряжении оказалось семь винтовок.

ЖУРНАЛИСТ: Группа, которой удалось выйти из окружения в Алегррия-де-Пио, была очень небольшой, не так ли?

ФИДЕЛЬ: Отряд был рассеян.

ЖУРНАЛИСТ: В компании с Вами оказались..?

ФИДЕЛЬ: Со мной шли два товарища, у одного из них была винтовка, у другого ее не было.

ЖУРНАЛИСТ: Альмейда оказался в другой группе?

ФИДЕЛЬ: Альмейда шел с третьей группой, с Че, Камило и другими товарищами. Но вначале, после того, как нам удалось объединиться вновь, у нас было семь винтовок на весь отряд. Вот этого шоссе, которое вы видите, в то время не существовало. Здесь проходила тропа. Именно здесь враг взял нас в оцепление. Потом мы должны были собрать брошенное оружие. Когда мы добрались по тропе до этой зоны, мы начали устанавливать контакт с первыми крестьянами, которые помогли нам пересечь шоссе, или тропу и добраться до горного массива Сьера-

Маэстра.

ЖУРНАЛИСТ: Это были крестьяне Гильермо Гарсия и...

ФИДЕЛЬ: Гильермо Гарсия, живший в этой зоне, первым связался с нами, он являлся членом Движения. Он был начеку, так как уже знал о высадке и происходящих событиях.

В Соединенных Штатах, как и в Мексике, Фидель неустанно действует с тем, чтобы подготовить возвращение для окончательного освобождения Родины. .

Как-то на рассвете, мы пересекли дорогу и продвинулись на 20-30 километров.

ЖУРНАЛИСТ: А все, что Селия подготовила было в зоне Никеро? Так?

ФИДЕЛЬ: В зоне Пилон. Потому что это было лучшим местом для высадки, к востоку. Мы высадились здесь, потому что, во-первых, нас застал рассвет, во-вторых, мы были не очень знакомы с территорией и побережьем этой части Кубы.

Мы планировали захватить находящуюся недалеко небольшую казарму, а затем уйти в горы Сьерра-Маэстры. Но ввиду неудачной высадки осуществить эту операцию представлялось совершенно невозможным. Мы высадились в болотистой местности, что дало врагу время для того, чтобы организовать военные действия по взятию нашего отряда. Фактически враг одержал победу, рассеяв нашу экспедиционную группу в составе 82 человек.

ЖУРНАЛИСТ: Сколько человек осталось в группе?

ФИДЕЛЬ: В конце концов, нам удалось собрать группу в составе около 20 человек и семь винтовок, практически мы оказались без оружия, только потом мы смогли собрать кое-что из брошенного нами оружия. Первую военную операцию, закончившуюся нашей победой, мы провели 5 февраля, так как у нас уже имелось 16 винтовок...

ЖУРНАЛИСТ: Это был бой в Уверо?

ФИДЕЛЬ: В Ла-Плата. На рассвете мы атаковали небольшой армейский гарнизон, если память мне не изменяет, в 2.40 часов ночи. Бой длился более часа. Мы заняли этот гарнизон и захватили 10 винтовок. Наша группа пополнялась людьми, из живущих в горах крестьян, теперь нас было около 30 человек.

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, как вам удалось после поражения в Алегррия-де-Пино, собраться силами, выйти из окружения и продолжить борьбу, не теряя веру в победу?

ФИДЕЛЬ: Я считаю... Никто не знал, кто остался в живых и сколько человек выжило, но лично я собирался продолжать борьбу, несмотря на то, что в моем распоряжении было всего две винтовки. Я не знал, что случилось с остальными товарищами. Рауль со своей стороны тоже думал о продолжении борьбы. Когда мы, наконец, встретились, у нас было уже семь винтовок, из всего потерянного по пути оружия нам удалось найти еще шесть или восемь винтовок. Наш отряд, осуществивший первую военную операцию, насчитывал 17-18 человек. В тот момент у нас было около 14 винтовок и несколько пистолетов. Нас было очень мало, но у нас был опыт штурма казармы Монкада и твердое намерение продолжать борьбу. Мы были убеждены, что наше дело – правое, и что в этот момент мы потерпели крупную неудачу. Вот это - Сьерра-Маэстра... самолеты не могли бомбардировать... 18 месяцев мы находились в окружении войск батистовской армии, на земле и со стороны моря.

Однако в тот момент нашей главной задачей являлось выживание, что во многом зависело от нас самих – небольшого отряда, ушедшего в горы. В сущности, в тот момент, у нас только и было: идея, революционные организации в городах и воля к сопротивлению.

В тот момент многое зависело от наших партизанских действий, так как нас могли уничтожить в любую минуту. Фактически, мы оказались на грани уничтожения из-за предательства одного из крестьян. Во время выполнения задания он попал в плен к врагу, его решили помиловать, посулили разные вещи, и он, не устояв, решил нас предать. Наш первый проводник – один из проводников – нас предал. Здесь сыграл роль психологический фактор: он знал, что наши силы невелики, а силы армии, наоборот, очень большие, он потерял веру в нашу победу и перешел на сторону врага. Его действия, согласованные с действиями батистовских войск, чуть не привели к уничтожению наших сил. Это были трудные дни, учитывая, что наш главный проводник, человек, бывший нашими глазами и ушами, стал предателем и старался вывести нас на позиции, удобные для окружения и ликвидации нашего отряда. Им чуть не удалось это сделать, пока мы догадались о его предательстве.

ЖУРНАЛИСТ: И догадались во время.

ФИДЕЛЬ: Не совсем. Мы догадались об этом только тогда, когда нас чуть не ликвидировали батистовские войска во время их последней военной операции, тогда-то мы и поняли, я понял: нас предали. Некоторые товарищи отнеслись к этому скептически, они не могли этому поверить, и мне пришлось привести им ряд выводов, свидетельствующих о предательстве этого человека. Последующие события доказали мою правоту, однако от гибели мы спаслись за считанные минуты.

ЖУРНАЛИСТ: Вас окружили?

ФИДЕЛЬ: Нас окружили, окружение только начиналось, когда я заподозрил неладное и мы решили двигаться в другое место. И встретились с войсками на краю оцепления в тот момент, когда этот крестьянин, якобы находящийся на выполнении нашего задания, шел с ними в качестве проводника. Увидев его, мы уже понимали, что он нас предал, так как именно он привел наш отряд на место, где враги могли бы легко окружить нас. Еще один момент: за день до начала окружения шел проливной дождь и они отложили операцию на следующий день. Но на следующий день мы узнали об их планах из слов пленного, захваченного одним из часовых, хотя нашим людям было приказано не показываться на глаза противнику. Я допросил его, и, исходя из маневра, который осуществили войска противника днем раньше, понял, что они окружают нас. Именно в тот момент я убедился в том, что нас предали, и предложил перейти на другую позицию. Мы укрепились на вершине гор в том месте, где противник уже завершал оцепление. В тот момент мы оказались весьма близки к гибели. Находящийся рядом со мной товарищ был убит.

ЖУРНАЛИСТ: Но это произошло во второй раз...

ФИДЕЛЬ: Это произошло в Альто-де-Эспиноса, так называется это место. В тот момент мы оказались весьма близки к гибели, однако нам удалось выжить, нам удалось выйти из окружения. Мы запомнили и этот урок.

Вместе с Раулем, Альмейдой, Рамиро Вальдесом и Сиро Редондо в годы партизанской войны в горах на востоке страны.

Можно сказать, что организация масс, хотя и довольно небольшая в этой зоне, помогала нам с первых же моментов: нам помогал Гильермо Гарсия, нам очень помогала Селия, в тот момент находившаяся в Мансанильо, она прислала нам первые запасы продовольствия, одежды, денег. Потому что мы оплачивали все, что нам давали крестьяне. В начале крестьяне боялись репрессий со стороны батистовских войск, но потом постепенно перешли на сторону Революции. То есть, предварительной работы с крестьянами не проводилось, она проходила по ходу борьбы. Батистовская армия карала, убивала, сеяла ужас, в то время как мы относились к крестьянам с уважением, оплачивали им все, что у них покупали. И постепенно крестьяне стали примыкать к

нам. В итоге, все крестьяне встали на нашу сторону.

ОСНОВНОЙ ЦЕНТР НАШИХ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ.

ФИДЕЛЬ: Место, где мы сейчас находимся, называется Ла-Плата. Здесь мы достигли нашей первой победы против сил Батисты. Это произошло, спустя полутора месяцев после нашей высадки и несколько недель спустя, после того, как им удалось рассеять наши силы. Вот в этом месте нам удалось объединиться в отряд численностью около 17 человек. Противник установил патруль, в состав которого входили солдаты и матросы батистовской армии, которые, решив, что с партизанами покончено, занимались разбоем, выселением крестьян из их жилищ, совершали беззаконие, преступления в интересах крупного землевладельца этой зоны.

ЖУРНАЛИСТ: Простите, Команданте, я перебую вас. Они думали, что ликвидировали ваши силы. Дало ли вам это некоторую передышку?

ФИДЕЛЬ: Это дало нам некоторое преимущество, так как снизили свою бдительность. Они продвигались по территории, арестовывали крестьян, как того крестьянина, с которым вам удалось побеседовать. Пытали или убивали их, то есть действительно сеяли ужас среди крестьянского населения. Мы подошли с запада и стали следить за передвижением патруля и его местонахождения. Ночью мы приблизились и захватили в плен проводника военного патруля, который являлся служащим землевладельца и давал военным сведения о крестьянах, протестующих против выселения населения, которых затем подвергали репрессиям. Захватив в плен проводника патруля, мы получили все необходимые сведения о патрули и на рассвете атаковали. Нас было 17 человек, их было около 12, и располагались они в двух небольших казармах. По истечении боя, длившегося около часа, они сдались. Многие были убиты, остальные ранены. Они стали нашими первыми пленными, однако мы не могли вести их с собой. Мы отдали им наши медикаменты. Это было нашим правилом по отношению к противнику – щадить пленных и, конечно же, раненых. Этому правилу мы неизменно следовали на протяжении всей партизанской войны. Мы захватили их оружие, а наш отряд насчитывал уже 30 человек.

Потом на рассвете мы двинулись в направлении другой реки, туда, где мы находились раньше, в направлении Пальма-Моча. Противник пришел в ярость, против нас были брошены многочисленные войска, сотни солдат, включая головной парашютный десант, который, попав в нашу засаду, понес большой урон и был разбит. Нам удалось также захватить кое-какое оружие. Эти бои развернулись 17 и 22 января 1957 года, и стали нашими двумя первыми военными победами.

Итак, эта зона имеет историческое значение, потому что к северу от нашей позиции, вдоль реки, находится зона Ла-Плата, которая стала, скажем так, главной зоной наших военных действий. В сущности, на протяжении месяцев наши военные операции разворачивались на территории протяженностью в 30 км и шириной 20 км, то есть в зоне площадью 60 квадратных километров. В этом районе велись операции и с нашей стороны, и со стороны противника. Разумеется, в начале наши силы были незначительными, и направляемые ими колонны могли беспрепятственно продвигаться по горной местности. Со временем мы, изучив распорядок их действий, стали устраивать засаду вражеским отрядам, хотя и не могли препятствовать их продвижению. Нам удавалось нанести им урон, захватить кое-какое оружие, но несмотря на это, они проходили.

Наши силы росли, и летом 1958 года наш отряд уже насчитывал 300 человек. Во время последнего наступления в Сьерра-Маэстре, во вражеских войсках насчитывалось около 10 тысяч человек, у нас было 300 бойцов, однако мы уже обладали большим военным опытом. У нас был относительно небольшой резерв боеприпасов, но на этот раз мы защищали свои позиции. В различных точках гор мы установили наши позиции, и, оказывая сопротивление вражеским силам, наносили врагу потерю за потерей и задерживали их наступление.

Это наступление – на каждую атаку врага мы отвечали контратакой – продолжалось 70 дней. На протяжении 70 дней велись бои, практически каждый день. Но переломным моментом, моментом, когда вражеское наступление терпит поражение, становится бой в Хигуэ, примерно в пяти км от этого места, во время которого нам удалось окружить батальон противника. Батальоном руководил очень хитроумный командир. Мы старались захватить их врасплох, провели несколько обходных, достаточно опасных для них маневров, но им удавалось уйти. Но все-таки мы взяли их в оцепление. Мы взяли их в оцепление отрядом, насчитывающим 30 человек. Остальную, более многочисленную группу бойцов в количестве 90 человек, мы сосредоточили в направлении пляжа, где располагались остальные силы врага. Наша группа в составе 120 человек вела бой, который продолжался 10 дней.

Создалась весьма необычная обстановка, оцепив вражеский батальон, мы, в свою очередь, находились в окружении нескольких колонн противника. В то время, как они пытались пробить нашу оборону, мы старались заставить сдаться в плен оцепленный нами батальон. Нам удалось разбить подкрепление противника, подводимое в этом направлении с пляжа. Именно там мы и установили наши главные силы. По мере того, как увеличивался резерв захваченного в боях оружия, мы увеличивали число бойцов. В итоге, мы ликвидировали подкрепление противника и захватили в плен батальон. Таким образом, в нашем распоряжении оказалось большое количество боеприпасов и оружия, что и привело к переломному моменту в наступлении. С этого момента мы начали контрнаступление и вытеснили врага из Сьерра-Маэстры.

К концу нашего наступления мы захватили более 500 единиц оружия, и более тысячи вражеских солдат выбыли из строя. В их числе мы взяли в плен около 400 человек, которых мы освободили при посредничестве международного Красного креста – таково было наше правило, которому мы следовали по отношению к пленным.

К тому времени наши силы насчитывали 800 человек, и практически с 800 человек начали захват территории всей страны, исключая территорию, где находился Второй фронт под командованием Рауля. Потому что к контрнаступлению мы привлекли войска под командованием Альмейды, находившиеся поблизости Сантьяго, войска под командованием Камило, действующие в долине и войска под командованием Рамиро, находившиеся на востоке. Объединив войска, в нашем распоряжении оказалось 300 человек. Войска Второго фронта под командованием Рауля, находившиеся очень далеко от места военных действий, не были привлечены к контрнаступлению.

После этого наступления и во второй половине 1958 года, мы направили колонны в направлении Сантьяго-де-Куба, в направлении северной части провинции Орьенте, в направлении Камагуэя и две колонны, под командованием Че и Камило, продвинулись в центральный район острова. Вот почему это сражение стало переломным моментом в войне.

Батистовская армия намного превосходила нас численностью. В сумме она насчитывала 70-80 тысяч бойцов. К концу войны у нас было три тысячи бойцов. Однако мы держали в окружении 14 тысяч солдат в провинции Орьенте. Дело в том, что хотя у противника и было численное преимущество, они должны были охранять города, сооружения, мосты, пути сообщения. Силы в количестве 10 тысяч человек – это самое большее, что они смогли задействовать для ведения военных действий, в бою, о котором я рассказываю.

ЖУРНАЛИСТ: И при этих обстоятельствах произошел эпизод с командующим...

ФИДЕЛЬ: Да, с командиром батальона Кеведо. Он был умным, знающим командиром, под его командованием батальон вел бой и отлично оборонялся на протяжении 10 дней, несмотря на то, что у них кончились запасы воды и пищи, они понесли немалые потери. Он был порядочным человеком, офицером, который не был замешан в преступлениях и беззаконии, совершаемых против населения. Мы взяли его в плен и в плену мы держали только офицеров самого высокого

ранга. Затем он присоединился к нашей борьбе и помогал нам.

ЖУРНАЛИСТ: Что он делает в настоящий момент?

Дни Сьерра-Маэстры

ФИДЕЛЬ: В настоящий момент он находится в Москве в качестве военного атташе Кубы. Он написал книгу об этом сражении. Он был очень умным, знающим командиром и достойным противником.

ЖУРНАЛИСТ: Правда ли, что по завершении боя вы оставили ему его пистолет?

ФИДЕЛЬ: По завершении боя мы оставили пистолеты всем офицерам, а не только ему. Случилось следующее, мне не терпелось... Дело было так: в последний день мы договаривались о капитуляции, командующий окруженного войска передал нам, что они капитулируют, если подкрепление не прибудет к 6 часам вечера. Надежды на спасение у них не было, так как подкрепление мы уже ликвидировали. При переговорах мы пользовались громкоговорителями. Документы, перехваченные у сил подкрепления, мы передавали им, как впрочем, и все сообщения. Для переговоров с ними мы, с помощью громкоговорителей, использовали пленных солдат из сил подкрепления.

Однако мне не терпелось увидеть, какое количество оружия мы сможем захватить, поэтому, когда велись переговоры о капитуляции, под вечер я решил пойти в их лагерь, сохраняя инкогнито, в числе других товарищей, которые вели переговоры.

ЖУРНАЛИСТ: В лагерь противника?

ФИДЕЛЬ: В лагерь противника.

ЖУРНАЛИСТ: Не было ли это огромным риском?

ФИДЕЛЬ: Как вам сказать, я в сущности... Это довольно относительно. К тому моменту враг был уже деморализован. Я вовсе не собирался раскрывать им, кто я такой, я пришел в числе тех, кто вел переговоры. И вошел в лагерь, когда они были еще вооружены. Через несколько минут меня узнали все, но повели себя безупречно, с большим уважением. Так случилось. Я вошел в их лагерь, когда они были еще вооружены. Разумеется, это было неосторожностью, даже скорее просчетом.

ЖУРНАЛИСТ: Но все закончилось хорошо.

ФИДЕЛЬ: Да, все закончилось хорошо. Они уже вели переговоры с нашими людьми. Их окопа в окоп наши бойцы уже передавали им воду, сигареты. Последний день можно было назвать днем братания, такая царила обстановка. Климат был неагрессивным, боя не велся уже на протяжении нескольких часов. Но там был Кеведо – командир, которого подчиненные очень уважали. К тому же, учтивый человек. Все эти факторы, разумеется, имели большое влияние на развитие событий. Вполне возможно, что я, проанализировав сложившуюся ситуацию, был уверен, что могу это сделать, хотя все произошло не так, как я думал, я-то не хотел, чтобы меня узнали. Тем не менее, они меня узнали сразу, несмотря на ночную темноту.

РОЖДАЕТСЯ НОВАЯ АРМИЯ

ЖУРНАЛИСТ: Команданте, победа Революции не разрешила все проблемы, появились новые трудности: проблема конфронтации с этим первым Правительством, укрепление революционной власти, и вскоре, нападение империализма, блокада и все остальное. Одним из ключевых моментов, который прослеживается при взгляде из-за рубежа, является расчленение

батистовской армии – вооруженная рука буржуазии- , что, разумеется, было чревато опасностью, не совсем понятно, каким образом удалось прийти к такому расчленению Армии прежде, чем они смогли реорганизоваться или укрепить свою силу и эффективность

ФИДЕЛЬ: Дело в том, что мы действительно разгромили батистовскую армию, мы практически ликвидировали ее элитные войска в Сьерра-Маэстре. И хотя их силы были многочисленны, элитные войска были разгромлены. Когда армия теряет свои оперативные войска, можно считать, что она уже терпит поражение. К тому же, мы имели поддержку народных масс, так что они уже не могли предпринимать более или менее серьезные военные действия.

ФИДЕЛЬ: Дело в том, что мы действительно разгромили батистовскую армию, мы практически ликвидировали ее элитные войска в Сьерра-Маэстре. И хотя их силы были многочисленны, элитные войска были разгромлены. Когда армия теряет свои оперативные войска, можно считать, что она уже разгромлена. К тому же, мы имели массовую народную поддержку, таким образом, с военной точки зрения они вряд ли смогли что-либо предпринять.

К концу военных действий мы держали в окружении 14 тысяч солдат в провинции Орьенте страны, Остров был разделен на две части, инициатива находилась в наших руках, Вооруженные силы Батисты были деморализованы.

При такой обстановке, они попытались выйти на контакт с нами. Командир оперативных войск попросил встречи с нами, во время которой он признал, что они проиграли войну. И спросил, как, по нашему мнению, они должны действовать дальше. Я пояснил ему, что, хотя Армия дискредитировала себя, в ее рядах находились способные и хорошие люди, которые, к сожалению, были вынуждены защищать государственную структуру или режим вместе с государственной структурой. Они договорились с нами поднять восстание.

Героическая победа породила новую революционную и народную армию.

Этой захваченной в плен армии мы предложили объявить мятеж и присоединиться к революционным силам. Мы также заявили, что мы категорически выступаем против государственного переворота. Я даже посоветовал командиру оперативных войск не ехать в столицу, объявить мятеж в Орьенте и присоединиться к Революции. Он согласился со мной, но своего обещания не выполнил. Он отправился в столицу.

Мы выставили им три условия: первое – мы были против государственного переворота, второе – мы были против любых попыток по спасению Батисты, третье – мы были против каких бы то ни было договоренностей с американским посольством. Нашими условиями были эти три, и они с ними согласились. Однако сделали все в точности наоборот. Поехали в столицу, организовали государственный переворот, договорились с американским посольством и способствовали побегу Батисты

Поэтому, когда произошел государственный переворот 19 января, мы объявили по нашей радиостанции приказ всем нашим силам: не прекращать огня, продолжить наступление по всем фронтам, и призвали трудящихся и весь народ к общей революционной забастовке.

Влияние наших сил и нашего движения было уже настолько сильным, а распад режима был настолько глубоким, что, например, все радиостанции и телевидение ловили сигналы нашей радиостанции – Радио Ребельде, сами рабочие настроили радиостанции и телевидение на волну Радио Ребельде. Весь народ, и в особенности трудящиеся, включился во всеобщую полную забастовку. Наши силы, наши колонны, не прекращая огня, продолжали наступление, и практически за 72 часа мы обезоружили всю армию.

В музее, где хранятся формы и оружие штурмовавших казарму Монкада.

Таким образом, в начале декабря народ завладевает всем оружием; десятки тысяч граждан берет оружие в свои руки, и Армия фактически распускается.

De modo que, en los primeros días de diciembre, el pueblo se apodera de todas las armas; decenas de miles de ciudadanos tomaron las armas en sus manos y el Ejército quedó virtualmente disuelto.

Если бы они приняли наши условия, нам удалось бы спасти для Революции многих офицеров: профессиональных военных, офицеров, не имеющих отношения к преступлениям, не причастных к убийствам и пыткам. Потому что к преступлениям Батисты присоединилась на сто процентов лишь определенная группа – клика – офицеров; внутри же Вооруженных сил несли службу профессиональные офицеры, которые не несли прямой ответственности за эти преступления,

Если бы они приняли наши предложения, возникла бы новая армия в любом случае, так как это было насущной потребностью Революции, и мы смогли бы рассчитывать на сотрудничество большего количества офицеров. Как бы там ни было, с нами сотрудничала группа офицеров, из тех, которые подверглись заключению за заговоры против Батисты, многие из них после победы Революции присоединились к нам.

Присоединились к нам и офицеры, воевавшие против нас, но это были порядочные, благородные люди. Таким образом, группа офицеров бывшей армии сотрудничала с нами, но многих из них не удалось спасти, поскольку в армии царила полная деморализация и распад. Поэтому такая обстановка представлялась не совсем адекватной для того, чтобы рассчитывать на сотрудничество многих из этих офицеров.

Итак, рождается по-настоящему новая армия. Я думаю, что нельзя было бы совершить Революцию, заменив бывшую армию на новую – революционную и народную, новую армию, которая в настоящий момент технически подготовлена намного лучше, в 10 раз больше, чем когда-либо была подготовлена батистовская армия. Потому что теперь наша армия насчитывает в 10 раз больше офицеров, подготовленных несравненно лучше, чем когда-либо в нашей стране. Сегодня Революционная армия имеет регулярные войска, имеет резерв, состоящий, главным образом, из прошедших военную подготовку крестьян и рабочих; она стала народной армией, сила которой заключается не столько в профессиональном уровне военнослужащих или в ее техническом обеспечении, сколько в ее близости к интересам народа и в ее огромном резерве, состоящем из крестьян и рабочих, которые являются ее основной бойцовой силой в случае войны.

2.12.1977 год

Lugar:

Santiago de Cuba

Fecha:

02/12/1977

URL de origen: <http://www.fidelcastro.cu/es/node/46347?width=600&height=600>